

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-102-111

EDN: OWWAАН

ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН БРИКС+ В АРКТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ: ПРИМЕР ИНДИИ

И. И. Чихарев

Чихарев Иван Иванович,

Главный научно-исследовательский вычислительный центр Управления делами Президента РФ,
Москва, Российская Федерация.

Аннотация

В условиях приостановки работы Арктического совета и расширения БРИКС+ неарктические государства получают новые возможности для участия в региональной повестке. В статье на примере Индии анализируются механизмы и институциональные рамки интеграции стран БРИКС+ в арктическое сотрудничество. Показано, что среди неарктических членов объединения Индия обладает наиболее оформленной арктической стратегией, включающей собственную научную базу на Шпицбергене, статус наблюдателя Арктического совета с 2013 г. и пакет двусторонних проектов с Россией. Ее участие в БРИКС+, в отличие от ограниченного статуса наблюдателя в Арктическом совете, позволяет претендовать на полноправное членство и реальное участие в принятии решений. Выявлены три внутренних ограничения БРИКС+ как арктической платформы: разнородность интересов участников, отсутствие юридически обязывающих регуляторных рамок и латентная конкуренция (прежде всего в треугольнике Индия – Китай – Россия). Утверждается, что индийское председательство 2026 г. создает институциональное окно для преодоления этих ограничений, однако его реализация потребует перехода от деклараций к юридически обязывающим соглашениям, а также выработки четких регуляторных рамок режима доступа к Северному морскому пути.

Ключевые слова: арктическая повестка; БРИКС+; Арктический совет; Индия; Россия; Северный морской путь; Трансарктический транспортный коридор

Для цитирования: Чихарев, И. И. (2026) 'Интеграция стран БРИКС+ в арктическую повестку: пример Индии', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 102–111. EDN: OWWAАН. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-102-111

INTEGRATION OF BRICS+ COUNTRIES INTO THE ARCTIC AGENDA: THE CASE OF INDIA

I. I. Chikharev

Ivan I. Chikharev,

FSUE "GlavNIVZ" The Presidential Affairs Directorate, Moscow, Russian Federation.

Abstract

In the context of the Arctic Council's suspension and the expansion of BRICS+, non-Arctic states are gaining new opportunities to engage in the regional agenda. Using the case of India, this article examines the mechanisms and institutional frameworks for integrating BRICS+ countries into Arctic cooperation. It is shown that among the non-Arctic members of the grouping, India possesses the most fully developed Arctic strategy, including its own research station on Spitsbergen, observer status in the Arctic Council since 2013, and a package of bilateral projects with Russia. In contrast to India's limited observer status in the Arctic Council, its participation in BRICS+ allows it to aspire to full membership and meaningful participation in decision-making. Three internal constraints of BRICS+ as an Arctic platform are identified: heterogeneity of interests among participants, the absence of legally binding regulatory frameworks, and latent competition (primarily in the India-China-Russia triangle). It is argued that India's 2026 BRICS chairmanship creates an institutional

window to overcome these constraints, yet its realization will require a shift from declarations to legally binding agreements, as well as the development of clear regulatory frameworks for access to the Northern Sea Route.

Keywords: Arctic agenda; BRICS+; Arctic Council; India; Russia; Northern Sea Route; Transarctic Transport Corridor

For citation: Chikharev, I. I. (2026) 'Integration of BRICS+ countries into the arctic agenda: the case of India', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 102–111. EDN: OWWAAN. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-102-111

Введение

Существенные трансформации архитектуры международной безопасности в конце XX в. коренным образом изменили восприятие Арктики в политической науке. Долгое время макрорегион рассматривался преимущественно как «ледяной занавес» холодной войны – пространство, где политические процессы были «заморожены» логикой военно-стратегического противостояния двух сверхдержав (Agarwala, 2023). Однако курс на демилитаризацию и развитие международного сотрудничества сместил фокус на устойчивое развитие, экологию и научное партнерство.

«Арктическое пробуждение» и последующие десятилетия взаимовыгодного сотрудничества сформировали устойчивую иллюзию «арктической исключительности» (Журавель, 2022; Devyatkin, 2026). Приостановка институционального диалога в марте 2022 г. со всей очевидностью подтвердила: период геополитической «спячки» остался в прошлом (Gricius, Fitz, 2022). Решение семи западных государств-членов Арктического совета приостановить участие в организации нанесло удар по многосторонней дипломатии¹. Уход западных компаний и технологий из российских арктических проектов обусловил ускоренный «разворот на Восток», что фактически разрушило замкнутость «арктического клуба». Арктика утрачивает статус исключительного домена восьми северных государств, открывая пространство для новых игроков, включая страны БРИКС+.

Формирующийся вакуум институционального присутствия и реформирование логистических и энергетических цепочек создают беспрецедентное окно возможностей для неарктических государств, ранее остававшихся на периферии региональной повестки. В этих условиях особую значимость приобретают объединения, способные предложить альтернативные механизмы координации, прежде всего БРИКС+ (Стрельникова, 2025).

Изначально воспринимавшийся как платформа для согласования позиций Глобального Юга, БРИКС+ сегодня все активнее встраивает арктическую тематику в свою повестку. Расширение объединения в 2024 г. (присоединение Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и Саудовской Аравии) лишь усилило запрос на формирование коллективной позиции неарктических стран по вопросам судоходства, добычи ресурсов и научного сотрудничества в Заполярье. Однако наиболее последовательным и институционально оформленным выглядит участие в арктических процессах Индии – государства, не имеющего выхода к Северному Ледовитому океану, но обладающего целостной арктической политикой, разветвленной научной инфраструктурой на Шпицбергене, статусом наблюдателя Арктического совета с 2013 г. (Веселова, 2025) и стратегическим партнерством с Россией. В частности, Индия проявляет растущий интерес к освоению арктических углеводородов, что обусловлено технологическим прогрессом в области арктического бурения (Харина, Стрельникова, 2024).

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе БРИКС+ как альтернативной институциональной платформы для неарктических государств в условиях приостановки работы Арктического совета (2022 г.) и расширения объединения (2024 г.). Выявлены и структурированы три внутренних ограничения БРИКС+ как арктической платформы: разнородность интересов участников, отсутствие юридически обязывающих норм и латентная конкуренция (прежде всего в треугольнике Индия – Китай – Россия). Проведен прогнозный анализ институционального потенциала индийского председательства 2026 г.: в отличие от существующих исследований, фокусирующихся на декларативной рамке БРИКС+, в статье предлагаются конкретные механизмы перехода от исключительно «мягкой

¹ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с заявлением западных стран-членов Арктического совета (2022) [Электронный ресурс], *Официальный сайт МИД РФ*, 4 марта. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802852/ (дата обращения: 03.03.2026).

дипломатии» к созданию юридических рамок и регуляторных механизмов функционирования объединения.

Методологическую основу исследования образуют качественные методы политической науки. Институциональный анализ применяется для сопоставления формальных и неформальных правил участия Индии в Арктическом совете (статус наблюдателя, дискреционные полномочия арктических государств) и в БРИКС+ (полноправное членство, отсутствие специализированных арктических процедур). Метод кейс-стади использован для углубленного изучения Индии как наиболее институционально оформленного примера среди неарктических членов БРИКС+, что позволяет выявить общие закономерности и ограничения для других стран объединения. Ивент-анализ применен для обработки и интерпретации конкретных событий 2025–2026 гг.: проектная лаборатория *BRICS Project Lab Arctic 2.0*, круглый стол «Индия – Россия: стратегический арктический диалог», вступление в силу соглашения RELOS, переход председательства в БРИКС к Индии. Эмпирическую базу составили официальные документы (арктическая стратегия Индии, Оттавская декларация, постановления Арктического совета), материалы двусторонних саммитов, аналитические доклады (IDSA, MP-IDSA) и публикации в рецензируемых журналах за 2022–2026 гг.

Цель настоящей статьи – выявить механизмы, проекты и институциональные рамки, через которые Индия интегрируется в арктическую повестку, а также определить роль формата БРИКС+ как катализатора этого процесса. Фокус на Индии не случаен: государство демонстрирует наиболее зрелый и диверсифицированный подход среди всех неарктических членов БРИКС+, сочетая научное присутствие, энергетические интересы, участие в развитии Северного морского пути и военно-логистическое сотрудничество с Россией (включая недавно вступившее в силу соглашение RELOS²).

Исторические основы взаимодействия России и Индии в Арктике: от научного сотрудничества к стратегическому партнерству

Индийско-российские отношения в Арктике не являются феноменом последних лет. Они опираются на многолетнюю историю сотрудничества, которая прошла путь от эпизодических научных контактов до полноформатного стратегического партнерства, охватывающего энергетику, логистику, судостроение и военно-техническое взаимодействие.

Интерес Индии к Арктике имеет глубокие исторические корни. Еще в 1928 г. индийский ученый Бибхути Бхушан Банерджи был приглашен в экспедицию на остров Врангеля, где провел около трех лет, собирая данные о местной флоре и фауне (Харина, Стрельникова, 2024: 6). Этот эпизод стал первым задокументированным случаем участия индийского исследователя в арктических научных проектах. На протяжении второй половины XX в. Индия постепенно наращивала свое научное присутствие в полярных регионах.

Первым практическим шагом Индии в освоении Арктики стала организация полноценной научной экспедиции 30 июля 2007 г. (Зайков, Бхагват, 2022: 263). Ее успех позволил уже через год, в июле 2008 г., открыть на архипелаге Шпицберген стационарную исследовательскую базу «Химадри». Местом ее размещения был выбран международный научный поселок Нью-Олесунн, удаленный от Северного полюса на 1200 км. Оператором станции выступил Национальный центр антарктических и океанических исследований (NCAOR), действующий под руководством индийского Министерства наук о Земле (Chaturvedi, 2014). Научная программа «Химадри» с самого начала была ориентирована на комплексное изучение полярного региона и включила четыре ключевые направления: мониторинг ледников (гляциология), атмосферные процессы, биогеохимические циклы и динамику криосферы.

Важным политическим сигналом стало получение Индией статуса наблюдателя Арктического совета в 2013 г., наряду с Китаем, Японией, Сингапуром и Южной Кореей (Веселова, 2025: 119). Это решение открыло Индии институциональный канал для участия в обсуждении арктических проблем и создало формальную основу для дальнейшего углубления сотрудничества с Россией в рамках рабочих групп Совета.

Ключевым рубежом, ознаменовавшим переход Индии от пассивного наблюдателя к активному участнику арктических процессов, стал 2018 г. В октябре 2018 г. на полях делового саммита в Нью-Дели президент России Владимир Владимирович Путин официально пригласил Индию к сотрудниче-

² RELOS (Reciprocal Exchange of Logistics Agreement) – индийско-российское соглашение о взаимном обмене логистической поддержкой. Подписано в феврале 2025 г., вступило в силу 12 января 2026 г.

ству в Арктике, заявив, что с учетом изменения климата «возможности использования Северного морского пути увеличиваются»³. В совместном заявлении по итогам саммита стороны выразили поддержку компаниям из обеих стран «в развитии сотрудничества и изучении возможностей для совместной разработки» нефтяных месторождений на российской территории, включая арктический шельф⁴. На следующий год, в сентябре 2019 г., премьер-министр Индии Нарендра Моди посетил Владивосток для участия в Восточном экономическом форуме. В ходе этого визита он объявил о запуске инициативы *Act Far East* («Активизация на Дальнем Востоке»)⁵.

Кульминацией процесса институционализации индийского присутствия в Арктике стало принятие в марте 2022 г. документа *India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development* (Suryanarayanan, 2024). Документ закрепил «шесть столпов» арктической стратегии Индии: научные исследования; климатическая и экологическая защита; экономическое и человеческое развитие; транспортная связность; управление и международное сотрудничество; наращивание институционального потенциала (рисунок).

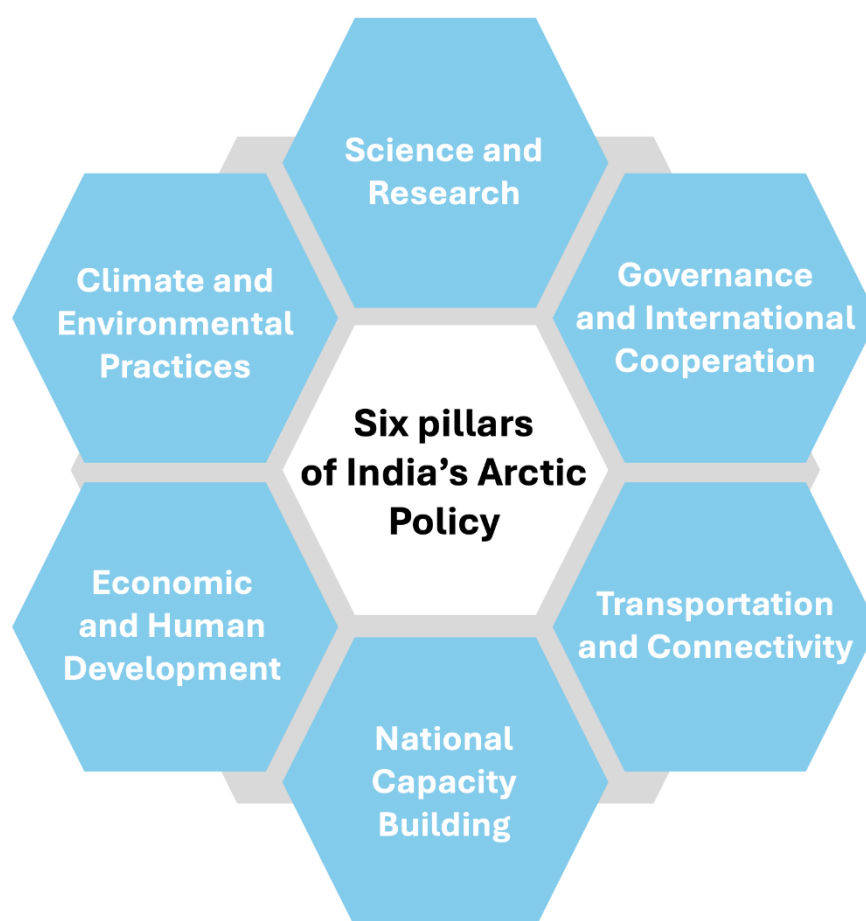

Рис. «Шесть столпов» арктической стратегии Индии / Fig. "Six Pillars" of India's Arctic Policy (источник: Government of India. *India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development*, 2022⁶)

³ Путин призвал Индию подключиться к энергетическим проектам РФ в Арктике (2018) [Электронный ресурс], ТАСС, 5 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5642980> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴ Moscow offers New Delhi access to oil-&-gas-rich northern sea route (2018), *The Economic Times*, 8 October. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/moscow-offers-new-delhi-access-to-oil-gas-rich-northern-sea-route/articleshow/66113709.cms> (accessed: 22.04.2026).

⁵ Act Far East Policy: Strengthening Relations Between India and Russia (2020), *VIF India*, 7 February. Available at: <https://www.vifindia.org/article/2020/february/04/act-far-east-policy-strengthening-relations-between-india-and-russia> (accessed: 22.04.2026).

⁶ India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development (2023), *Arctic Portal Library*. Available at: https://library.arcticportal.org/2015/1/Indias_Actic_Policy.pdf (accessed: 25.04.2026)

Статус наблюдателя в Арктическом совете

Арктический совет с момента своего учреждения Оттавской декларацией в 1996 г. закрепил ведущую роль восьми арктических государств. Как отмечает исследователь из Университета Джорджтауна Нима Хоррами, Совет *«работает на основе консенсуса, а наблюдатели не имеют права голоса – привилегии, строго зарезервированной за восемью арктическими государствами»*⁷. Процедура участия наблюдателей, включая Индию, закреплена в Правилах процедуры Арктического совета⁸ и Руководящих принципах для вспомогательных органов Совета по работе с наблюдателями⁹. Как подчеркивается в исследовании Себастьяна Кнехта и Дженнифер Спенс, *«несмотря на их формальный статус равных участников, политические соображения влияют на процесс приема и интеграции наблюдателей»* (Knecht, Spence, 2019). Авторы демонстрируют, что отношение к наблюдателям эволюционировало от гибкого, неформального подхода к более формализованному и регламентированному – в ответ на растущий глобальный интерес к Арктике.

Исследователем Эндрю Чейтером (Cambridge University Press) была предложена систематизация практической деятельности наблюдателей Арктического совета (Chater, 2024). Ключевой вывод исследования заключается в том, что наблюдатели не оспаривают приоритеты арктических государств, а поддерживают их проекты, предоставляя данные, способствуя обмену информацией и облегчая сотрудничество. Однако данная активность носит условный характер, поскольку участие наблюдателей в проектах и заседаниях поставлено в зависимость от поддержки государств-членов: достаточно возражения со стороны одного арктического государства, чтобы наблюдатель был лишен права участия в дальнейших заседаниях или исключен из проектов.

Таким образом, институциональная архитектура Совета изначально закрепляет неравноправное положение неарктических государств. Все решения принимаются консенсусом восьми арктических стран, а наблюдатели, включая Индию, лишены права голоса. Возможные каналы влияния наблюдателей (участие в экспертных группах, софинансирование проектов, научно-техническое сотрудничество) носят опосредованный и неавтономный характер – их реализация полностью зависит от дискреционных полномочий государств-членов, которые вправе в любой момент ограничить или прекратить такое участие. Наблюдатели не обладают процедурными гарантиями доступа к процессу принятия решений и не могут влиять на консенсус арктических государств иначе как через добросовестное исполнение второстепенных функций.

Переход к БРИКС+ выглядит для Индии особенно логичным по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от Арктического совета, где неарктические государства обречены на статус наблюдателей, в БРИКС+ Индия является полноправным членом, участвующим в выработке коллективных решений. Во-вторых, расширение БРИКС в 2024 г. за счет присоединения Египта, Эфиопии, Ирана и ОАЭ усилило запрос неарктических стран на формирование коллективной позиции по арктическим вопросам. В-третьих, согласно И. А. Стрельниковой, именно *«ситуация с заморозкой работы Арктического совета вызвала к жизни необходимость поиска альтернативной площадки для продвижения повестки устойчивого развития»* (Стрельникова, 2025: 18). Таким образом, заморозка Арктического совета не просто открыла окно возможностей, но и указала направление, в котором это окно следует использовать – в сторону укрепления арктической повестки внутри БРИКС+.

БРИКС+ как платформа для арктической кооперации

Параллельно с двусторонним треком Россия и Индия последовательно развивают арктическую тематику в многостороннем формате БРИКС+, который в условиях институционального кризиса Арктического совета приобретает особое значение. Как отмечает И.А. Стрельникова, *«БРИКС в будущем может стать крайне перспективной площадкой не только для двустороннего, но и многостороннего сотрудничества в Арктике в условиях его расширения и трансформации глобального управления в меняющемся мире»* (Стрельникова, 2025: 195). Это особенно важно для Индии, стратегия которой, по словам М.Л. Лагутиной, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, сочетает *«стремление к укреплению глобального статуса с осторожным подходом к институциональному*

⁷ Khorrami, N. (2025) The Future of Arctic Governance in a Fractured Geopolitical Landscape, *Georgetown Journal of International Affairs*, 15 October. Available at: <https://gjia.georgetown.edu/conflict-security/the-future-of-arctic-governance-in-a-fractured-geopolitical-landscape/> (accessed: 23.04.2026).

⁸ Arctic Council Rules of Procedure (2013), *Arctic Council*. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/items/f06e5457-1246-44d3-a8c1-00016dd585db> (accessed: 23.04.2026).

⁹ Arctic Council Observer Manual for Subsidiary Bodies (2013), *Arctic Council*. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/items/ead1bb3b-8189-4cab-8eee-a78e01d21789> (accessed: 08.01.2026).

расширению»¹⁰, реализуя модель «мягкого вхождения» в Арктику в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Анализ конкретных инициатив БРИКС+ за 2025–2026 гг. позволяет выделить три основных механизма реализации стратегии «мягкого вхождения» Индии в арктическую повестку: наращивание кадрового потенциала через информационный обмен на международных экспертных площадках; закрепление за Индией роли ведущего участника в обсуждении и формировании институциональных рамок арктического сотрудничества благодаря статусу председателя; участие в научно-технологических и логистических мегапроектах. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Кадровый и экспертный потенциал. Показательным примером того, как декларативная рамка БРИКС+ наполняется конкретным содержанием, стала проектная лаборатория *BRICS Project Lab Arctic 2.0* (Москва, февраль 2025 г.). Собрав более 650 заявок из 20 стран¹¹, лаборатория позволила индийским молодым исследователям и экспертам включиться в дискуссии по ключевым вопросам – от недропользования до правового режима Шпицбергена и договора 1920 г. Для Индии, не обладающей правом голоса в Арктическом совете, подобные экспертные площадки – канал неформального присутствия, где формируется кадровая и понятийная основа для будущих переговорных позиций. Партнерами лаборатории выступили «Газпромнефть», «Норникель», «Арктикуголь» и «Проектный офис развития Арктики» (ПОРА)¹².

Статус председателя. С 1 января 2026 г. председательство в БРИКС перешло к Индии. Страна провозгласила девиз: «*Building for Resilience, Innovation, Cooperation, and Sustainability*»¹³. Как отметил в интервью чрезвычайный и полномочный посол России в Индии Д.Е. Алипов, российская сторона намерена «*всячески поддерживать индийское председательство в ассоциации в 2026 г.*», включая продвижение арктической повестки¹⁴. В мае 2026 г. в Нью-Дели запланировано заседание министров иностранных дел БРИКС, которое определит рамки итоговых документов саммита. Ожидается, что арктическая тематика сохранится в повестке индийского председательства.

Инфраструктурные и логистические аспекты. Независимо от политических деклараций, Индия уже вовлечена в арктическую логистику через конкретные проекты. Выдвинутый Россией в марте 2025 г. Трансарктический транспортный коридор (ТАТК) и его планируемое соединение с Восточным морским коридором «Владивосток – Ченнаи» создают преференциальные возможности для стран БРИКС, включая Индию. Как отмечает аналитический доклад IDSA, речь идет о «более экономичном, коротком и безопасном транзитном маршруте между Европой и Азией» с доступом к Индии, странам Персидского залива и Африки¹⁵. Двусторонний трек подкрепляет эту логику: 24 марта 2026 г. в Санкт-Петербурге состоялся круглый стол «Индия – Россия: стратегический арктический диалог», организованный Генеральным консульством Индии совместно с Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом (АНИИ)¹⁶. В мероприятии приняли участие ведущие эксперты в области высокоширотных исследований, представители научного сообщества и деловых кругов двух стран. Генеральный консул Индии Нилам Рани подчеркнула, что «*стратегически важные направления – связь, энергетика и Северный морской путь – играют важную роль в развитии двусторонних отношений России и Индии*»¹⁷. В ходе круглого стола обсуждались совместное развитие Север-

¹⁰ Лагутина, М.Л. (24.03.2026) Индия реализует эволюционную модель «мягкого вхождения» в Арктику в условиях формирования многополярного мирового порядка [Электронный ресурс] // Проектный офис развития Арктики ПОРА. URL: <https://porarctic.ru/ru/news/mariya-lagutina-indiya-realizuet-evolyutsionnyuyu-model-myagkogo-vkhozhdeniya-v-arktiku-v-usloviyakh/> (дата обращения: 23.04.2026).

¹¹ BRICS Project Lab Arctic 2.0: География конкурса охватила более 20 стран мира (2026) [Электронный ресурс], *НИА-Красноярск*. URL: https://nebohod.media/nashi_smi/niya-krasnoyarsk/240491.html/ (дата обращения: 23.04.2026).

¹² Студентов приглашают решить арктические кейсы в BRICS Project Lab (2026) [Электронный ресурс], *МК-Чукотка*, 22 января. URL: <https://www.mk-chukotka.ru/social/2026/01/22/studentov-priglasayut-reshit-arkticheskie-keysy-v-brics-project-lab.html> (дата обращения: 23.04.2026).

¹³ India hosts first BRICS Sherpa meeting, outlining priorities for 2026 chairmanship (2026), *The New Indian Express*, 10 February. Available at: <https://www.newindianexpress.com/nation/2026/Feb/10/india-hosts-first-brics-sherpa-meeting-outlining-priorities-for-2026-chairmanship> (accessed: 23.04.2026).

¹⁴ Интервью Посла России в Индии Дениса Алипова о приоритетах индийского председательства в БРИКС (2026) [Электронный ресурс], *BRICS Expert Council-Russia*, 10 февраля. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/intervyu-posla-rossii-v-indii-denis-a-lipova-o-prioritetah-indijskogo-predsedatelstva-v-briks> (дата обращения: 23.04.2026).

¹⁵ Trans-Arctic Transport Corridor and India – Russia Cooperation (2026) [online], *Issue Brief / Institute for Defence Studies and Analyse*. Available at: <https://idsa.in/publisher/issuebrief/trans-arctic-transport-corridor-and-india-russia-cooperation> (accessed: 23.04.2026).

¹⁶ Индия и Россия организовали стратегический арктический диалог (2026) [Электронный ресурс], *Ассоциация государственных научных центров «Наука»*, 30 марта. URL: <https://agnc.ru/news/17849> (дата обращения: 23.04.2026).

¹⁷ АНИИ (26.03.2026). Индия и Россия организовали стратегический арктический диалог [Электронный ресурс] // Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт. Доступно: <https://www.aari.ru/press-center/news/novosti-aari/indiya-i-rossiya-organizovali-strategicheskiy-arkticheskiy-dialog> (Дата обращения: 23.04.2026)

ного морского пути, вопросы международного права в Арктике, а также применение беспилотных авиационных систем и технологий искусственного интеллекта для навигации, картографирования и экологического мониторинга в условиях Крайнего Севера.

Следовательно, в отличие от Арктического совета, где Индия ограничена статусом наблюдателя, БРИКС+ предоставляет ей не просто полноправное членство, а реальные механизмы для формирования кадровой, институциональной и инфраструктурной основы арктического присутствия. Таким образом, объединение становится для Нью-Дели инструментом компенсации ограничений «арктического клуба» и проводником «мягкого вхождения» в регион.

Внутренние ограничения БРИКС+ как платформы для арктической кооперации

Парадокс заключается в том, что именно расширение БРИКС в 2024 г., усилившее запрос на коллективную позицию неарктических стран, одновременно породило новые проблемы для выработки этой позиции. Если применительно к Индии арктическая стратегия институционально оформлена и обладает приоритетом научно-исследовательского характера, то включение в БРИКС+ таких игроков, как Иран или ОАЭ, привносит в повестку принципиально иные (преимущественно энергетические и транзитные) интересы. Это создает риск «повестки – лоскутного одеяла», где каждая страна продвигает свой сегмент без формирования целостной арктической программы объединения (Лавниченко и др., 2025). Наглядное представление об интересах стран-участниц БРИКС+ содержится в таблице.

Статус, интересы и ключевые приоритеты стран БРИКС+ в Арктике

Страна	Статус	Интересы	Приоритеты
РФ	Арктическая держава, учредитель БРИКС	Ресурсный, транзитный, военно-стратегический	Развитие Северного морского пути и Трансарктического транспортного коридора, шельфовые проекты, атомный ледокольный флот
КНР	Околоарктическое государство, учредитель БРИКС	Ресурсный, транзитный, инфраструктурный	Полярный шелковый путь, инвестиции в мегапроекты, транзитные маршруты
Индия	Учредитель БРИКС, наблюдатель «Арктического совета»	Ресурсный, транзитный, научно-исследовательский	Климатический мониторинг, подготовка кадров, транзитные маршруты
Бразилия	Учредитель БРИКС, наблюдатель «Арктического совета»	Научно-исследовательский	Климатический мониторинг
ЮАР	Член БРИКС (с 2010 г.), наблюдатель «Арктического совета»	Научно-исследовательский	Климатический мониторинг, подготовка кадров
Египет	Член БРИКС+ (с 2024 г.), наблюдатель «Арктического совета»	Транзитный	Транзитные маршруты, поиск альтернативы Суэцкому каналу
Иран	Член БРИКС+ (с 2024 г.)	Транзитный	Сопряжение МТК «Север – Юг» с арктическими маршрутами
ОАЭ	Член БРИКС+ (с 2024 г.)	Транзитный, инвестиционный	«Зеленые» технологии, инвестиции в портовую инфраструктуру
Эфиопия	Член БРИКС+ (с 2024 г.)	На стадии формирования	Арктическая стратегия пока не оформлена
Индонезия	Член БРИКС+ (с 2025 г.)	На стадии формирования	Арктическая стратегия пока не оформлена
КСА	Приглашенное государство	Транзитный, инвестиционный	Инвестиции в «чистую энергию», транзитные маршруты

Примечание. Составлено автором на основе источников¹⁸.

¹⁸ Эксперты ПОРА: арктические проекты БРИКС 2025–2026 будут сырьевыми, научными и культурными (2025) [Электронный ресурс], *Seldon.News*, 20 августа. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/333878457> (дата обращения 25.04.2026); Maluleke, C., Surve, I. (2026) BRICS+ Series: How the Northern Sea Route Is Reshaping Asia-Pacific Energy Security [online], *IOL*,

Второе ограничение носит институциональный характер. Арктический совет, несмотря на геополитическую заморозку, остается единственным признанным международным режимом в регионе, опирающимся на международное право (включая UNCLOS). БРИКС+ пока не предложил альтернативной нормативной рамки – ни нового договора, ни даже рамочной конвенции по Арктике (Котлова, Вереина, 2024). Все инициативы (*BRICS Project Lab Arctic 2.0*, дискуссии по Шпицбергену) носят статус «мягкой дипломатии» и не облечены в юридически обязывающие формы. В отличие от Арктического совета, где процедуры формализованы, внутри БРИКС+ арктическая повестка развивается преимущественно через двусторонние треки: Россия – Индия, Россия – Китай (Стрельникова, 2025: 194).

Третье ограничение – скрытая конкуренция между членами БРИКС+ за ресурсы и транзитные возможности в Арктике. Наиболее очевидна она в треугольнике Индия – Китай – Россия¹⁹. КНР реализует концепцию Ледяного шелкового пути с опорой на инвестиции и инфраструктурные проекты, тогда как Индия делает ставку на стратегическое партнерство с РФ (Tripathi, Bindra, 2024). Отсутствие согласованности между этими инициативами вынуждает Россию балансировать, стараясь не нарушить хрупкий паритет интересов обоих партнеров. Дефицит внутри БРИКС+ механизмов разрешения таких противоречий (например, четких правил доступа неарктических государств-участниц к СМП) создает риск того, что объединение не станет площадкой координации, а, напротив, превратится в арену проекционной конкуренции стран Глобального Юга в Заполярье.

Перспективы и институциональный потенциал индийского председательства в БРИКС+

Переход председательства в БРИКС к Индии 1 января 2026 г. открывает окно для преодоления перечисленных ограничений. Девиз *Building for Resilience, Innovation, Cooperation, and Sustainability* предполагает усиление именно институциональной связности.

Первая перспектива – превращение эпизодических мероприятий (наподобие лаборатории BRICS Project Lab Arctic 2.0) в постоянный механизм. В ходе своего председательства Индия может инициировать создание Рабочей группы БРИКС по Арктике с участием профильных министерств и ведомств стран-членов. В отличие от существующих круглых столов, данная группа получила бы мандат на подготовку совместных позиций к сессиям Арктического совета (после его возможного «размораживания») и на выработку рамочного соглашения БРИКС о сотрудничестве в Арктике – первого юридически обязывающего документа объединения по региональной повестке.

Вторая перспектива – сопряжение логистических мега-проектов под эгидой БРИКС+. Речь идет о соединении Трансарктического транспортного коридора (ТАТК), выдвинутого Россией в марте 2025 г., с Восточным морским коридором Владивосток – Ченнаи. Индийское председательство способно вынести на саммит БРИКС (осень 2026 г.) вопрос о финансировании этих инфраструктурных проектов через Новый банк развития (НБР БРИКС). Это станет прецедентом: впервые НБР выступит инструментом многостороннего управления арктической логистикой, снижая зависимость от западных финансовых институтов и придавая сотрудничеству не двусторонний (Россия – Индия), а многосторонний характер.

Третья перспектива – юридическая синхронизация по Договору о Шпицбергене 1920 г. Как показали дискуссии на лаборатории в феврале 2025 г., страны БРИКС+ занимают разрозненные позиции в вопросе о праве неарктических государств на экономическую деятельность в зоне архипелага. Индия, уже располагающая базой «Химадри» в Нью-Олесунне и имеющая статус стороны договора, могла бы выступить координатором выработки совместной юридической экспертизы договора в рамках БРИКС+. Это позволило бы объединению выступить единым фронтом перед арктическими государствами по вопросам доступа к ресурсам и исследовательской инфраструктуре.

Таким образом, проблемный анализ показывает, что главные вызовы для БРИКС+ в Арктике лежат не столько во внешней оппозиции западных стран, сколько во внутренней разнородности и «институциональной неоформленности». Индийское председательство в 2026 г. предоставляет уникальный шанс перейти от «клуба по интересам» к полноценному институту арктической координации. Успех или провал этого перехода станет тестом на способность БРИКС+ в целом выступать субъектом глобального управления, а не исключительно реактивной платформой для согласования двусторонних интересов.

23 April. Available at: <https://iol.co.za/news/brics/2026-04-23-brics-series-how-the-northern-sea-route-is-reshaping-asia-pacific-energy-security/> (accessed: 25.04.2026); Trans-Arctic Transport Corridor and India-Russia Cooperation (2026) [online], IDSA, Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses, 23 April. Available at: <https://idsa.in/publisher/issuebrief/trans-arctic-transport-corridor-and-india-russia-cooperation> (accessed: 25.04.2026).

¹⁹ Chopra, A. (2025) China opens «Arctic Express» route: Need to push Indian maritime corridors [online]. Available at: <https://www.firstpost.com/opinion/china-arctic-express-india-maritime-corridors-13954825.html> (accessed: 25.04.2026).

Заключение

Арктическая стратегия Индии наиболее институционализована среди неарктических членов БРИКС+: собственная стратегия (2022), исследовательская база на Шпицбергене, статус наблюдателя Арктического совета и пакет двусторонних проектов с Россией в области судостроения, атомной энергетики, а также соглашение RELOS. Однако парадокс заключается в том, что именно эта зрелость делает Индию одновременно и бенефициаром, и заложником текущей конфигурации арктической кооперации.

БРИКС+ для Индии не запасной аэродром, а платформа, где она, в отличие от Арктического совета, обладает полноправным членством. Совет, даже в состоянии институциональной заморозки, сохраняет монополию на легитимные механизмы принятия решений, оставляя наблюдателям лишь второстепенные функции. Расширение БРИКС в 2024 г. усилило запрос на коллективную позицию неарктических стран, но одновременно обнажило три системных ограничения самой платформы: разнородность интересов, отсутствие юридических и регуляторных рамок, т.е. преобладание «мягкой дипломатии», а также «латентную конкуренцию», прежде всего в треугольнике Индия – Китай – Россия. Без механизмов разрешения этих противоречий БРИКС+ рискует превратиться из площадки координации в арену проектной конкуренции.

Переход председательства к Индии создает прецедентную ситуацию. Нью-Дели получает институциональный рычаг для переформатирования арктической повестки: создание профильной рабочей группы, финансирование логистических коридоров, таких как ТАТК и Владивосток – Ченнаи, через Новый банк развития, координацию позиций по Договору о Шпицбергене. Однако эти инициативы останутся декларациями, если за ними не последует юридически обязывающих соглашений. Именно способность Индии перевести арктическую повестку БРИКС+ из статуса «клуба по интересам» в режим институционального сотрудничества станет реальным тестом как для самой Индии, так и для объединения в целом.

Список литературы / References

- Веселова, Д. Н. (2025) 'Участие Индии в деятельности Арктического Совета', *Арктика и Север*, (58), сс. 117–135. [Veselova, D. N. (2025) 'Participation of India in the Arctic Council', *Arctic and North*, (58), pp. 117–135. (In Russ.)]. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.117
- Журавель, В. П. (2022) 'Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию образования)', *Арктика и Север*, (47), сс. 220–233. [Zhuravel, V. P. (2022) 'The Arctic Council: Main Development Milestones (To the Twenty-Fifth Anniversary of the Council's Founding)', *Arctic and North*, (47), pp. 220–233. (In Russ.)]. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.220
- Зайков, К. С., Бхагват, Д. (2022) 'Арктическая политика Индии: исторический контекст', *Арктика и Север*, (48), сс. 261–274. [Zaikov, K. S. and Bhagwat, D. (2022) 'India's Arctic Policy: Historical Context', *Arctic and North*, (48), pp. 261–274. (In Russ.)]. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
- Котлова, А. В., Вереина, Л. В. (2024) 'Arctic BRICS: институционально-правовое измерение взаимодействия России и неарктических государств в Арктике', *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2(64), сс. 327–337. [Kotlova, A. V. and Vereina, L. V. (2024) 'Arctic BRICS: The Institutional and Legal Dimension of The Interaction between Russia and Non-Arctic States in the Arctic', *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2(64), pp. 327–337. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-327-337
- Лавниченко, М. Н., Буракова, У. С., Воробьев, Н. К. (2025) 'Экономические интересы стран БРИКС в Арктическом регионе', *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 15(3), сс. 101–111. [Lavnichenko, M. N., Burakova, U. S. and Vorobyev, N. K. (2025) 'The Economic Interests of BRICS Countries in the Arctic Region', *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 15(3), pp. 101–111. (In Russ.)]. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-101-111
- Стрельникова, И. А. (2025) 'Арктическая кооперация в рамках БРИКС в условиях его расширения и трансформации глобального управления для меняющегося мира', *Вестник международных организаций*, 20(1), pp. 176–201. [Strelnikova,

- I.A. (2025) 'Arctic Cooperation Within the Frame-work of BRICS in the Context of Its Expansion and Transformation of Global Governance for a Changing World', *International Organizations Research Journal*, 20(1), pp. 176–201. (In Russ.)). DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-10
- Харина, О. А., Стрельникова, И. А. (2024) 'Роль Индии в развитии международного сотрудничества в Арктике', *Азия и Африка сегодня*, (5), сс. 6–14. [Kharina, O.A. and Strelnikova, I. A. (2024) 'India's Role in Promoting International Cooperation in the Arctic', *Asia & Africa Today*, (5), pp. 6–14. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S032150750030847-3
- Agarwala, N. (2023) 'Review of Ice and Snow in the Cold War: Histories of Extreme Climatic Environments (ed. by Herzberg, J., Kehrt, C. and Torma, F.)', *International Journal of Environmental Studies*, 80(1), pp. 1–3. DOI: 10.1080/00207233.2022.2129865
- Chater, A. 'Six Activities of Observers in the Arctic Council', *Polar Record*, 60(20), pp. 1–9. DOI: 10.1017/S0032247424000172
- Chaturvedi, S. (2014) 'India's Arctic Engagement: Challenges and Opportunities', *Asia Policy*, (18), pp. 73–79. DOI: 10.1353/asp.2014.0037
- Devyatkin, P. 'The death of Arctic exceptionalism? Russian-Western cooperation against the background of war', in: Hønneland, G., Østhagen, A. and Rottem, S.V. (eds.), *Handbook of the Politics of the Arctic*. 2nd ed. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 469–486. DOI: 10.4337/9781035333714.00035
- Gricius, G., and Fitz, E. B. (2022) 'Can Exceptionalism Withstand Crises? An Evaluation of the Arctic Council's Response to Climate Change and Russia's War on Ukraine', *Global Studies Quarterly*, 2(3), pp. 1–6. DOI: 10.1093/isagsq/ksac042
- Knecht, S. and Spence, J. (2019) 'State Observers and Science Cooperation in the Arctic Council: Same but Different? ', in: Shibata, A., Zou, L., Sellheim, N. and Scopelliti, M. (eds.), *Emerging Legal Orders in the Arctic: The Role of Non-Arctic Actors*. 1st ed. London: Routledge, pp. 226–243.
- Suryanarayanan, K. (2024) 'India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development', *The Yearbook of Polar Law*, 15(1), pp. 474–493. DOI: 10.1163/22116427_015010021
- Tripathi, I., and Bindra, S. S. (2024) 'China's Near-Arctic State Ambitions and Overlap with Pacific Maritime Defense: Blind Spots for the U.S. and India', *ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts*, 6(5), pp. 3389–3399. DOI: 10.29121/shodhkosh.v5.i6.2024.6317 .

Статья поступила в редакцию: 13.05.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Чихарев Иван Иванович, студент, ведущий эксперт.

E-mail: vchikharev@yandex.ru (ORCID: [0009-0007-7058-4717](https://orcid.org/0009-0007-7058-4717)).

Information about author

Ivan I. Chikharev, Student, Lead Expert.

E-mail: vchikharev@yandex.ru (ORCID: [0009-0007-7058-4717](https://orcid.org/0009-0007-7058-4717)).